

ского развития стран Европы. Начинают складываться национальные языки.

Итальянскому языку на его родине на первых порах была уготована участь незавидная. Общеизвестно, что Данте хоть и написал «Божественную комедию» на итальянском, но колебался в выборе языка, а его потомки несколькими десятилетиями позже сожалели о том, что поэт не написал «Комедию» на латинском. Но предвидение Данте было гениальным. Корни такого внимания к родному языку надо искать в сложной исторической ситуации, связанной с резким обострением социально-политической борьбы во Флоренции времен Данте. В результате предпочтение было отдано «национальному» перед «интернациональным».

Но прошло совсем немного времени, и положение отчасти изменилось. Параллельно развитию италоязычной литературы и, как следствие, усовершенствованию языка, происходил процесс возврата к латыни, связанный с решением вопроса об интеллектуальном лидере, т. к. на эту роль претендовало возникшее вслед за Петраркой движение, именуемое «итальянским гуманизмом». Его представители избрали в качестве своего языка и точки приложения интересов латинский язык, но не как «интернациональный» элемент, а как «универсальный», противопоставляя его итальянскому языку как «специфическому» и поэтому не обладающему возможностями достижения возвышенных целей. Их высокие идеалы (антропоцентризм, восхищение творческими способностями человека, утверждение ими свободной личности), выраженные на латинском языке, теряли свою привлекательность для широких слоев, приобретая характер элитарных моментов. Привлечение успешного уже выйдя из широкого употребления языка, несомненно, отрицательно повлияло на поступательный ход развития итальянской культуры.

Гуманизм как движение регрессировал и с ним вместе уходил в прошлое его язык. Причина — в кардинальном изменении целей культуротворчества. Если раньше оно носило достаточно абстрактный характер, то теперь перешло (конец XV — начало XVI в.) к решению актуальных, реальных и жизненных проблем. На этот раз «универсальным» языком стал «национальный». Эти два качества, слившиеся в одном носителе, обусловили жизнеспособность сформировавшегося языка, грандиозный творческий потенциал культуры итальянского Возрождения и ее сильнейшее влияние на все последующие эпохи.

А. Г. Пастухов

МЕТАЯЗЫК НАУКИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Лингвистическая философия является разновидностью аналитической философии и ставит своей задачей исследование логических зависимостей языка науки. Некоторые положения этого направления применимы и для изучения языка философского знания как компонента целенаправленной деятельности человека.

Язык философии обслуживает узкий круг получателей информации и поэтому с учетом его функциональных особенностей может быть назван метаязыком, что означает также его вторичный характер по отношению к языку обычному. Будучи способом описания естественного языка, метаязык выступает одновременно и как его часть. Сложность изучения метаязыка заключается в том, что философские категории не поддаются уточнению значений, без чего невозможно научное знание, и не раскрывают свое содержание в ситуациях повседневной жизни. При этом анализ связей между языком и метаязыком остается одним из центральных вопросов в лингвистической философии.

При философском подходе к изучению языка обязательно должен быть выделен некоторый параметр, признаваемый в научном сообществе или просто доминирующий. В качестве таких параметров могут выступать условия коммуникации, прагматический аспект, контекст и др.

С представлением о языке как сфере социальной коммуникации связано появление в лингвистической философии положений, касающихся функционирования специфического для метаязыка философии большого количества абстрактных понятий, входящих одновременно в слои терминологической и общенаучной лексики и использующихся для описания различных аспектов науки.

Смысл анализа единиц языка философии сводится к выявлению имплицитных значений, формируемых в процессе intersubъективного понимания. Целесообразным поэтому может быть рассмотрение на уровне прагматики или т. н. «философии эгоцентрических слов», соотносящей язык с субъектом, его использующим. Чисто философская терминология менее подвержена внешнему влиянию, хотя и она, в зависимости от взглядов ученого, может нести в себе отпечаток авторского видения вещей и своеобразного толкования. Материальное наполнение философски значимых концептов стало предметом анализа не только в философии, но и в языке. Ср. такие понятия: «предложение», «значение», «символ» и т. д.

Большое внимание в лингвистической философии уделяется интерпретации научного знания и средствам его логического обоснования. Понимание целого выражения производно от интерпретации частей и от значимости конструкции, в которой эти части расположены. Анализируя значения терминов, необходимо вносить поправку на разницу в словарном и контекстуальном толковании. Текстовая актуализация обозначаемых понятий достигается специфическим заполнением позиций, многоаспектностью номинации, хронологической соотнесенностью и рядом других причин.

Некоторые философские категории сами могут выступать в качестве проекций для выявления системных отношений в лексике, изменений семантики, влияния социальных факторов на развитие языка. Например, категория времени берется не только как отправной пункт для анализа грамматического времени или типологии языков, но и как подход при рассмотрении замкнутых языковых систем. Так, существовавшие почти сорок лет два варианта немецкого языка обслуживали интересы двух принципиально разных идеологических систем. Образовавшиеся на

этой почве «разночтения» носят не только концептуальный, но и языковой характер.

Исследование философских проблем является важнейшей предпосылкой для успешного изучения метаязыка любой науки. Поэтому использование системных отношений философии и лингвистики помогает раскрыть не столько когнитивную, сколько инструментальную функцию языка.

А. В. Беличенко

ПАРАДИГМА — СРЕДОСТЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (к топодинамической теории парадигм)

1. Целью настоящего доклада является разработка топодинамической теории парадигмы в рамках модели эволюционирующей культуры. Общеизвестно, что со времён Платона парадигма как первообраз связывает обозначаемое с обозначаемым. Конечно, упрощая существо дела, можно представить, что в подобных же семиотических отношениях находятся и язык и культура. Тому примером такие словосочетания, как «язык культуры» и «культура языка как его культурология», достаточно очевидные, чтобы на них останавливаться.

2. Итак, если парадигма как общепринятый в данном социуме образец бытования культуры и языка, научной теории и знака так или иначе связывает язык и культуру, поскольку является тем топосом, в котором и язык, и культура и проявляют себя таковыми, то каким же образом такая парадигма может являться водоразделом между ними, препятствием их развитию, преградой, мешающей их общению, то есть их онтологическим средостением?

3. Морфология культуры О. Шпенглера, цикличное развитие цивилизаций по А. Дж. Тойнби и, с другой стороны, парадигмальное развитие науки по Т. Куну и современные эволюционные модели языка показывают, что парадигма — отнюдь не средство для удержания заключённых. Скорее это полупроницаемая мембрана, обеспечивающая осцилляции как языка, так и культуры, и в какой-то мере эти осцилляции синхронизирующая. Если сказать более метафорично, а вместе с тем более точно, парадигма — это «незрячая стена» (Жерар де Нерваль), смотрящая в противоположные стороны — на язык и культуру. Именно незрячесть и делает её образом заслуженной и справедливой связи, а то, что она — стена, даёт внутреннее сопротивление зрению, то есть делает её зрение сущностным.

4. Как только культура становится, она становится парадигмой, а потому препятствует тому, что в ней, культуре, только решает становиться, в том числе и языку. Те же процессы можно отнести и к самому языку: новации в нём крайне нежелательны, как и крайне неизбежны. Именно потому что и язык, и культура становятся, они становятся как таковые по-разному, не вполне гармонично, синхронно, а значит, то, что в один периоды их становления их связывало, в другие начинает разделять.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

<i>И. М. Гетман.</i> Язык и картина мира	3
<i>Г. М. Яворська.</i> Мова як символ (до проблеми мовного планування)	4
<i>А. Г. Баранов.</i> Язык и рефлексия языка	5
<i>И. М. Колгаева.</i> Онтология языкового сообщения как единицы вербальной коммуникации	6
<i>О. А. Радченко.</i> Идиоэтнические аспекты взаимодействия языка и культуры (к 70-летию неогумбольдтианского направления в современном немецком языкознании)	8
<i>М. В. Всеволодова.</i> Онтологическое и гносеологическое в категориях языка	9
<i>Ю. А. Ищенко.</i> Текстостроение в нетолерантной коммуникации	11
<i>Н. Н. Германова.</i> Нормативно-языковая практика и философия языка	13
<i>Л. М. Васильев.</i> О семантических категориях языка	14
<i>Е. А. Гладских.</i> Язык и культура: сакральность чисел	15
<i>О. С. Попович.</i> До питання про єдність мови і культури	17
<i>М. Б. Кушнарєва.</i> Язык как фактор образования культурного типа (на материале итальянского Возрождения)	18
<i>А. Г. Пастухов.</i> Метаязык науки и лингвистическая философия	19
<i>А. В. Беличенко.</i> Парадигма — средостение языка и культуры (к топодинамической теории парадигм)	21
<i>Н. В. Черемисина-Ениколопова.</i> Ритм и гармония (проблемы философии и художественной композиции)	22
<i>З. А. Пахолок.</i> Ритм — повторяемость — речевые и языковые единицы	24
<i>Е. А. Жаборюк.</i> К проблеме взаимоотношения языка и мышления (некоторые аспекты)	24
<i>Э. Ф. Вертинская.</i> Мир ценности в обыденном и поэтическом сознании	26
<i>А. А. Камалова.</i> Роль лексики в формировании концептуального поля психического состояния	27
<i>Н. В. Квартыч.</i> Слово как принцип культуры	28
<i>М. Н. Махонина.</i> Слово как мировоззренческая категория в традиции	29
<i>А. Ф. Лосева и П. А. Флоренского</i>	29
<i>И. Е. Винов.</i> Забвение личного имени	30
<i>С. Г. Кондратова, В. В. Феценко.</i> Имена и их связь с культурой народа	32
<i>О. Э. Ластовкина.</i> К вопросу антропоцентрической номинации	33